

Хождение за красотой

Умер художник Владимир Криштопенко. Точнее – и художник, и искусствовед, и поэт, и мыслитель. Он не был в фаворе в Союзе художников, дело в том, что его творчество обогнало его время.

И все же с 1973 года у него были персональные выставки. Не так много, как бы хотелось, но журналисты заметили их, писали о них.

Признание начало приходить к Владимиру Васильевичу только в последние годы. Поэтому важно напомнить статьи, написанные о нем в одесской прессе разных лет, дать возможность взглянуть в мир его акварелей и живописи, познакомить с его философскими короткими стихами, столь близкими его духовному миру, в котором главным всегда было хождение за красотой.

Е. Г.

Відродження лубка

Любителі живопису не раз зустрічалися з роботами Володимира Криштопенка на обласних виставках. Здебільшого акварелі, прості за сюжетом, теплі за колоритом, вони справляли приємне враження, запам'ятовувались, але з них не можна було уявити собі діапазон можливостей художника, "відкрити" його своєрідність, почерк, манеру.

І ось перша персональна виставка. І хоч через невеликий розмір приміщення на ній представлена лише частина робіт з виконаних художником за роки творчості, вона цілісна у своєму розкритті його внутрішнього світу.

Перше відчуття – майже дитяча захоплена радість від спілкування зі світом природи та цвітом речей. І звідси милування фактурою

предметів, зачарованість променем світла, таїнством буття природи.

Відчуття друге, яке зовсім не виключає першого, – продуманість композиційна, декоративність. Все це – наслідки великого відбору і аналізу. Не лише почуття, а й думка – напружена, шукаюча, лежить в основі цих акварелей.

Невеличкий екскурс у біографію, без якого, як мені здається, був би незрозумілим наступний абзац. У різних людей дуже різно лежить шлях у живопис. Тут нема єдиних прописів. Володимир Криштопенко водночас одержав два дипломи: як живописець в Одеському художньому училищі та як філолог в Одеському університеті. І логічним завершенням цих двох освіт стала робота мистецтвознавцем у Художньому музеї. Потім він

перейшов на викладацьку роботу і читав історію мистецтв в училищі, яке закінчив. Аби ще за якийсь час викладати там же... живопис. Чи означає це, що складне коло еволюції завершено, що живописець переміг у Криштопенкові літератора? Гадаю, що ні. Лише виник новий синтез, і доказ цього — серія лубків, виставлених на наших стендах.

Лубки Володимира Криштопенка здаються мені цікавим і, я б казав, значним явищем. В нашій культурі з'явився потяг ще раз озирнутися, перевірити, чи достатньо плідно використовуємо ми спадщину минулого. Дуже для багатьох (це стало модою) озирнутися означало поринути в світ російського іконопису і дуже часто намагались некритично переносити його колір, його форму в сучасне життя. Других оглядка привела до раннього італійського Відродження, третіх — до творчості експресіоністів. І раптом — зовсім несподіване відродження російського лубка. Саме відродження, а не по-

вторення, не копіювання, бо зроблене воно на іншій, принципово іншій основі.

Лубок у давнину призначався для селян. Для них, неписьменних, але кмітливих, малювали невідомі майстри народні картинки. Сучасний лубок Криштопенка звернений до інтелігенції. Їй, котра в чомусь відійшла від народного побуту, пропонує художник простий та іронічний світ, в якому все пов'язує і об'єднує гармонія.

Тільки маючи тонке знання російської мови (філолог!), російського побуту (мистецтвознавець!), чудове декоративне обдарування (художник!), можна було створити цю серію. І як не смішно виглядають ті, хто намагаються давати художникові поради, хотілося б, щоб відродження лубка стало основою творчості художника, щоб його ім'я назавжди пов'язалося з поняттям "новий лубок".

Евгеній ГОЛУБОВСЬКИЙ
"Комсомольська іскра", 20.01.1973 р.

В дусе народних традицій

В виставочном залі редакції газети "Комсомольська іскра" експонуються роботи преподавателя Одесского художественного училища имени Грекова Владимира Криштопенко. Здесь представлены натюрморты, пейзажи, жанровые

сценки, выполненные акварелью, темперой, пастелью. Для работ В. Криштопенко характерны лирические тона, изящество линий, четкая композиция.

Особое внимание привлекают рисунки, выполненные в стиле на-

родного лубка. Эти своеобразные работы в ряде случаев наполнены современным содержанием. А в основном — это тонкая и оригиналь-

ная стилизация, удачно сочетающаяся с текстом народных пословиц и поговорок.

Феликс КОХРИХТ
"Знамя коммунизма", 20.01.1973 г.

"Помани меня тонким лучом..."

В выставочном зале Одесского отделения Национального союза художников Украины только что открылась персональная выставка живописи и графики Владимира Васильевича Криштопенко.

Здесь большей частью то, что создано за последние два-три года. "Я не брал ни одной работы ни у кого из знакомых, хотя они есть во многих домах Одессы. Хотел показать то, что никогда не показывал!" — говорит автор. Однако в экспозиции есть особый зал, в котором экспонируются произведения художника, относящиеся к 70-м годам. С этой частью связана особая история: незадолго перед выставкой один одессит вернул Владимиру Васильевичу целую серию его ранних графических листов, около 30 лет назад подаренных. Здесь есть интересные и уникальные работы. Надпись на одной: "Портрет замечательного скрипача и композитора Станко Александра Александровича: после его счастливого возвращения в Одессу из удивительного путешествия в Египет..." (1972). В духе и графике луб-

ка симпатичная работа, на которой выписано объяснение: "Однажды мой дед поймал большую-пребольшую рыбу". Листы из этой стилизованной серии автор мило и небезосновательно называет картинками. Особое историческое для "Одессики" значение в этом ряду имеет "Похвала И.М. Федоркову". Она посвящена крупному одесскому коллекционеру с трагической судьбой: он был в свое время убит и ограблен, остатки же его коллекции проданы вдовой. Таким образом, от собрания Федоркова памяти бы не осталось, кабы не графический лист В. Криштопенко, ибо он тончайшим перышком и акварелью еще при жизни покойного миниатюрно отразил основные работы из состава исчезнувшей коллекции. А в ней были: Судейкин, Мальявин, Рудаков, Волошин, одессит Т. Фрайрман и другие. "Похвала..." была написана для живого, а теперь это — память. Думается, цветную копию с "Похвалы" нужно было бы сделать для фондов Художественного музея. Или сама работа — свидетельство — с согласия

художника могла бы занять там место, ибо она говорит о том, какие редкие художественно-исторические "опусы" гостили, а может быть, и живут где-то в недрах города.

В том же зале — акварельные пейзажи. О них художник сказал, что они исполнены там, где он, к сожалению, больше никогда не побывает, — в Литве и Беларуси.

Сколько же прошло лет со дня первого персонального вернисажа? Криштопенко точно не помнит, но был тот вернисаж в 1950-е годы и проходил еще в стародавнем отделении Союза по ул. Чкалова. Из участия в групповых выставках ему памятен совместный вернисаж с Николаем Степановым (это было в 70-80-е годы). Позже он выставлялся и в галерее "Ирис", и в Центре Рериха. Кстати, поэтесса Г. Маркелова помнит В. Криштопенко как одного из первых одесситов, кто очень давно, одним из первых, увлекался восточными философско-мистическими учениями — Рерихом, Блаватской. У него были талантливые единомышленники. Достаточно назвать Олега Соколова, известного художника и глубинно-мистическую личность.

Ныне американский художник, родившийся и долго проживший в Одессе, Вадим Гринберг, бывший на открытии, указал на ряд абстрактных колористических работ: "Вот такой я помню творческую

манеру Криштопенко в 80-х! Мы его знали тогда как представителя новаторской стилистики. Сейчас он повернул в русло традиционного направления...". Об одной из своих полуабстракций под названием "Весть" — ремарка автора: "Здесь бумажный листок, который, может быть, принес почтальон, сюрприз пространства, мне присланный. Как говорил Гегель, "иррациональный остаток бытия"... Тут отражается мгновенное состояние. Есть вещи, которых никакая логика не вычислит".

И действительно, большая часть работ, исполненная на картоне, на оргалите, на холсте с картонной основой и на холстах маслом, более всего относима к неоклассическому направлению. Подавляющее большинство из них — скромного формата. Все они написаны интеллигентной, уютной кистью.

Очень одесская по звучанию работа "В саду". Изображены — раскрытая книга, бутылка с воткнутой в горлышко пробкой, бокал, полный рубиновым вином, и главное — блик, отсвет на страницы, на садовую старинную скамейку — настроение осеннего очарования... Рядом — целый ряд натюрмортов, на нескольких изображены при разном предметном "сопутствии" так называемые "турки", или, как их иначе называют, "джазве" для варки кофе. Проникновенны ка-

мерные пейзажи и пейзажики: "У мола", "Порт", "Лузановка", "Скалы". На одном узнается издали Воронцовский маяк. На другом — фрагмент вида на порт из парка им. Т.Г. Шевченко. На третьем, при истомно-летнем свечении, издали — фигуры подростковокупальщиков, а скалы написаны слева от "Аркадии".

Художнику удалось передать живым цветом неяркую, будто берегущую изнутри свой цвет, изморозь, списанную явно с окна. Это в работе "Зимний узор".

Его соратница, друг, преподаватель живописи художественного училища Т.И. Егорова так сказала об увиденном на вернисаже: "В каждой работе — откровение состояния,

которое есть в природе. Это традиция южнорусской школы!"

"Я часто проходила мимо этого места, — обратилась она к Владимиру Васильевичу, указывая на один из городских пейзажей, — и не замечала его красоты..." — "А она была всего один день, — ответил художник. — На другой день я туда пришел, и там была уже другая красота..."

Тем и славится В.В. Криштопенко, что он из особой когорты людей, способных видеть, ценить и нести в душе Красоту. Его удел — долгие годы созерцать в природе и искусстве величие непреходящего и рассказывать об этом людям.

Станислав АЙДИНЯН
"Одесский вестник", 22.09.2001

Человек с раннего времени

Странное бремя вдруг ощутил:
Что-то тихо растет —
Горб или крылья.

Это трехстишие родилось не в Китае, не в Японии. Автор — Владимир Васильевич Криштопенко, чья живопись и графика в эти дни демонстрировались в зале Союза художников. Живет и работает в Одессе. Человек этот в наших художественно-культурных кругах занимает исключительное и уникальное место. Если бы популярный литературный персонаж из любимого романа познакомился

с Владимиром Васильевичем, то он, несомненно, повторил бы свою знаменитую фразу о том, что: "Это Человек с раннего времени. Сейчас таких уже нет, а скоро и совсем не будет!". И действительно, в наш рациональный век, с его тенденцией к узкому профессионализму, общение с Криштопенко доставляет не просто радость, но восхищение, удивление и даже легкую зависть. Ибо собеседник поражает широтой взглядов и интересов, глубиной интеллекта и отточенно правильной литературной речью.

Все, абсолютно все, вас в нем пленяет. И возникает закономерный вопрос, так Кто же Он — этот господин? Я думаю, что разделять, вычленять ничего не надо. Перед нами разносторонний, прекрасно образованный, воспитанный и, что самое главное — талантливый человек! Истинный эстет, гуманитарный, аристократ духа. Ну, одним словом, чего вы хотите? "Человек с раньшего времени!"

На недавней выставке было представлено около 130 его работ. Техника разная: масло, акварель, гуашь, пастель, тушь, в основном небольшого формата. Как раз для дома, для семьи. Владимир Васильевич избегает больших размеров. Все эти "детские болезни левизны" и гигантизма остались в юности. Увлечение авангардизмом — тоже пройденный этап. Мудрствования на ниве формотворчества стали скучными ему и не интересными. Остались истины простые и вечные: Природы храм нерукотворный, простор небес над головой, Земля и Воздух. И, конечно же, цветы, цветы, цветы...

Теперь о самой экспозиции. Это неспешный, вдумчивый, ненавязчивый разговор со зрителем. Общее ощущение от выставки и от каждой работы в частности, это теплота, уютность, душевный комфорт. Изящество — без фатовства. Изысканность — без манерности. Интеллигентность — без интеллек-

туальной вычурности. Вот, на мой взгляд, то основное, главное, что выделяет эту выставку из многих других, которые происходят и, слава Богу, что происходят в нашей Южной Пальмире.

Широчайшая эрудиция и энциклопедичность знаний дают возможность Криштопенко работать не только в разных жанрах и технике, но и в различных направлениях и манерах. Доминирующий стиль — это, безусловно, южнорусская школа живописи, а по-простому — наша, одесская школа. Традиции Костанди, Нилуса, Головокова и других славных имен. В некоторых работах чувствуется едва ощутимый шарм французских импрессионистов и постимпрессионистов и даже кое-где — фовистов. В графических листах можно улыбнуться озорным традициям русского лубка, болезненно-надломленному изяществу "Мира искусств" и даже аскетичной изысканности японской гравюры. И при этом, хочу уверить вас, что в результате получился не какой-то винегрет из эпигонства и верхоглядства, где все смешалось в кучу. Ничего подобного! Перед нами зрелый, сформировавшийся Художник с присущим только Ему творческим лицом и почерком, то есть линией, формой, цветом и колоритом.

Сергей ИЛЬИН
"Слово", 12.10.2001 г.